

ГЛАВА 1

Чтобы получить истинное удовольствие от своего плохого настроения, им надо с кем-нибудь поделиться.

— Почему в кухне так мерзко пахнет? — рассердился Дегтярев.

Я сделала вид, что не слышу вопроса, а Манюня засмеялась:

— Не придумывай. Даже я ничего не чувствую. А мне теперь кажется, что от всего почему-то тухлой рыбой несет.

Юра потянулся к сыру.

— Мама рассказывала, что когда она была беременна мной, то не могла пользоваться мылом. В советские времена особого выбора не было, они дома пользовались мылом под названием «Руслан». И как только она его видела, так сразу в туалет неслась.

— Зачем бежать с мылом в туалет? — удивился Маневин. — Верочка там мылась?

Маша опять рассмеялась:

— Объясняю для непонятливых мужчин. Мать Юры тошнило. Ей становилось плохо при одном взгляде на брусок. Как я свекровь понимаю! Мне вот прямо от любого предмета воняет тухлятиной.

— Это можно пережить, — легкомысленно сказал Феликс, — человек ко всему привыкает. Ведь токсикоз не навсегда.

Манюня потрясла головой.

8 — Так может считать лишь тот, кто не испытывал этот самый токсикоз. Сейчас постараюсь описать свои ощущения. Представь кусок сырого лосося, который пролежал в земле лет эдак сто, а ты его выкопал и теперь на груди носишь и нюхаешь, нюхаешь, нюхаешь...

— Сильное сравнение, — засмеялась я.

— Сырая рыба никогда столько времени в почве не пролежит, — заметил Юра.

— Ну, это смотря как ее хранить, — возразил Маневин, — помню, как на раскопках в Таджикистане, еще в советские времена, в могиле одной...

— Приятного всем аппетита, — перебил моего мужа полковник, — славно всем поужинать под беседу о тошноте, вони, мыле и останках, которые Феликс из гроба извлек. В тему чудного застольного разговора у меня вопрос. Почему в кухне воняет дерьмом из помойки?

— Потому что наша домработница уволилась, новая придет только завтра, — смиренно ответила я, — прости, забыла мусор за весь день вынести в бачок.

Александр Михайлович встал.

— Ерунда. Подумаешь, не поем на ночь. Живот зато меньше станет. И вообще я сел на диету.

Все уставились на полковника, а Маша задала вопрос, который читался в наших глазах:

— Куда ты уселся?

— На диету, — повторил Дегтярев, — а то стал похож на тучного кабана, выгляжу намного старше своего возраста.

Я уронила вилку. Мафи мигом кинулась к ней в надежде слопать вкусненькое. Александр Михайлович резко отодвинул стул, бегом бросился к лестнице и исчез из виду.

— С ума сойти, — протянула Маша, — Дегтярев заговорил о диете!

— Может, он посетил врача, а тот его напугал? — предположил Юра. — Рассказал про грядущий диабет,

гипертонию, бляшки в сосудах, артрит и прочие радости, которые толстяков подстерегают? 9

— Полковника беседами из седла не выбить, — вздохнула я, — сто раз уже про все последствия лишнего веса ему говорили, а толку нет. Вдруг Дегтярев на самом деле заболел? Сейчас жаловался на плохой запах, хотя ранее никогда не морщил нос даже на месте преступления, а там подчас вонь невыносимая.

— Фуу, — прошептала Маша, — теперь и мне стало дурно, бее...

Манюня зажала нос ладонью и выбежала из столовой, Юра поспешил за ней.

Я повернулась к Феликсу.

— Поговори с полковником. Мне он правду о состоянии своего здоровья никогда не скажет, а с тобой, возможно, поделится проблемой. Вдруг его срочно лечить надо? При каких болезнях обоняние обостряется?

— При беременности, — вздохнул Маневин, — но сомнительно, что Дегтярев в интересном положении. Возраст у него не тот.

— И вообще он мужчина, — уточнила я, — ох, не нравится мне боевой настрой толстяка. Обычно он при слове диета вопит: «Во мне нет ни грамма жира, в позвоночнике сильный прогиб, отсюда и живот».

— Не нервничай, — сказал муж, — просто полковник сегодня не в духе, а чтобы...

— ...получить истинное наслаждение от своего плохого настроения, надо им с кем-нибудь поделиться, — перебила его я, — уже думала на эту тему.

Маневин взглянул на часы.

— Мне пора в аэропорт.

— Провожу тебя до машины, заодно и мусор выброшу, — засуетилась я и поспешила на кухню.

Мопс Хучик побежал за мной.

— Тоже хочешь выйти? — улыбнулась я. — Несмотря на декабрь, сильного мороза нет, но все равно холодно, придется попону натягивать. А ты не большой люби-

10 тель наряжаться. Может, дома останешься? Вон Снап, Банди, Афина и Черри у камина спят.

Но Хучик опрометью кинулся в прихожую. Я подумала, что у него схватило живот, и, таща мешок с отбросами, двинулась за ним. Что-то не везет нам в последнее время с домработницами. Может, та, что должна завтра прийти, Женя со смешной фамилией Коробко, окажется подходящей? Я не жду от помощницы по хозяйству никаких эксклюзивных талантов, требования самые простые. Она должна любить животных по-настоящему, а не прикидываться обожательницей собак. Не воровать. Не пить алкоголь. Не курить. И вкусно готовить. В нашем доме полно бытовой техники, которая облегчает труд домработницы, ей выделяется просторная комната с телевизором, пить кофе-чай, завтракать-обедать-ужинать можно когда угодно, никто ей не скажет: «Не ешьте этот сыр, он только для хозяев». Продукты предназначены для всех. Зарплата достойная, выдается точно в назначенный день. Ни Дегтярев, ни Маневин никогда не станут приставать к горничной. На мой взгляд, это нормальные условия. И что? Одна тетюшка при мне целовала Мафи, Хучика и всех остальных четвероногих. Но она не знала про камеры, которые установлены в комнатах, и я, уехав из дома, увидела на экране планшета, как «любвеобильная» особа бьет Хуча тряпкой по мордочке. Ясное дело, через час ее уволили. Другая, проработав неделю, покатила на рынок за продуктами и не вернулась. И ведь она знала, где служит Дегтярев! Александр Михайлович живо нашел дамочку и задал ей всего один вопрос:

— Неужели старая таратайка, которая много лет используется для хозяйственных нужд, и деньги, которые вам выдали для покупки картошки, стоили того, чтобы лишиться хорошей зарплаты и попасть под следствие?

Третья домработница открыла охоту на самого полковника, решила заарканить холостого мужика не самого юного возраста.

Я бросила мусорный мешок в контейнер, помахала рукой Маневину, который садился в такси, и пошла к дому.

ГЛАВА 2

На следующий день после завтрака я услышала звонок в дверь и удивилась. Кто это? Гостей я не жду, молочник уже приезжал, а новая домработница должна прибыть позже. Отложив журнал, который решила почитать после того, как Маша, Юра и Дегтярев наконец-то уехали на работу, я пошла к двери и, не посмотрев на экран домофона, распахнула ее. На пороге стояла женщина в пуховике и вязаной шапочке с орнаментом в виде оленей. Вмиг мне стало понятно: новая горничная приехала раньше.

— Добрый день, Евгения! — преувеличенно бодро воскликнула я, испытывая глубокое разочарование.

Я прямым текстом сказала в агентстве: «Мне нужен человек не старше сорока лет, без проблем со здоровьем, любящий животных». Менеджер обрадовался:

— Женя Коробко идеально подойдет.

— Пусть придет на беседу, — согласилась я. — Если понравится нам, оставлю на испытательный срок.

Но у тетушки, которая сейчас стоит у вешалки, большие мешки под глазами, они свидетельствуют, что у нее какие-то нелады или с сердцем, или с почками. А еще незнакомка бледна до синевы, губы трясутся, правая щека подергивается, похоже, у нее и с нервами беда. М-да. Сейчас из вежливости поболтаю с кандидаткой на место домработницы минут пятнадцать, отошлю ее в Москву и позвоню в агентство. Сотрудник компании «Швабра и тряпка» решил проигнорировать мои просьбы. Коробко не виновата, ей просто дали адрес не тех хозяев.

— Проходите, пожалуйста, — предложила я.

12 — Воды, — прошептала Коробко, — пить. Кто это? Нет! Уберите!

Я посмотрела вниз, увидела Хучика и решила прямо сейчас позвонить Анатолию, который занимался для меня поиском помощниц по хозяйству, и сказать ему: «Женя Коробко выглядит так, словно вот-вот потеряет сознание, она явно больна и трясется от ужаса при виде собаки. Это явно не тот человек, о котором я вас просила. Более не занимайтесь моей проблемой». Но воспользоваться телефоном я не успела. Коробко схватилась за горло и упала на пол, пальцы ее правой руки разжались, из них выпал грязный кругляш размером с медальон, который Феликс подарил мне на прошлый Новый год.

Я наклонилась над женщиной.

— Женя! Очнитесь!

Ответа не последовало. Я быстро сбегала на кухню, принесла бутылку воды и начала брызгать на Коробко. Никакого результата. Пришлось опять нестись к аптечке за купленным в Париже пузырьком с нюхательной солью.

Отвернув пробку, я поднесла бутылочку к носу Коробко. Та не шевельнулась.

У меня на спине стадо кошек с острыми когтями начало плясать кукарачу.

— Женя, — крикнула я, — ау! Евгения!

В прихожую выглянула наша собакопони Афина. Псинка села, задрала голову и надрывно завывла, Хуч немедленно к ней присоединился. Через секунду в голос зарыдали и другие псы. Мне стало совсем не по себе, я схватила трубку и набрала номер лечебницы «Птица».

Перед тем как купить полис, мы, конечно же, внимательно изучили состав врачей, проверили диагностическую базу и в конце концов отправились в клинику под названием «Птица». Почему именно она выиграла наш семейный тендер? Там хорошие доктора, есть томо-

графы и расположено медицинское учреждение в пяти минутах езды от Ложкина. 13

«Птица» не подвела, медики появились быстро. Врач присел около Жени, нахмурился, велел мне уйти и минут через десять крикнул:

— Хозяйка!

Я снова вошла в холл.

— Ей лучше?

— Я обязан вызвать полицию, — сухо произнес доктор, — смерть до прибытия.

Я попятилась.

— Евгения умерла?

— Да, — подтвердил доктор. — Аня, оформи все как надо, и поехали. Не копайся.

— А женщина? — испугалась я. — С ней что будет?

— Ждите полицию, — равнодушно сказал врач.

Мне стало страшно.

— Я одна дома.

— И что? — удивился врач.

— Вы же не можете больную... вот так... бросить, — залепетала я.

Доктор махнул рукой и вышел во двор.

— Она не больная, а скончавшаяся до прибытия, — повторила медсестра, торопливо заполняя какой-то бланк. — Ничего не трогайте. Не перемещайте тело. Полиция вам все объяснит.

— Мне страшно, — поежившись, произнесла я.

Девушка одернула куртку.

— Бояться надо живых. Труп никому ничего плохого не сделает. Пусть себе лежит.

— Вы меня тут одну с ней оставите? — запаниковала я.

— Женщина, у нас полно вызовов, — вздохнула медсестра, — мы обязаны людям помогать. Живым. А у вас все. Капец. Доктор очень хороший, но не Господь Бог. Умей он покойников воскрешать, на «Скорой» бы не работал.

14 Медсестра ушла, я секунду постояла в ступоре, потом выскочила во двор и позвонила Дегтяреву.

Иномарка полковника и серо-голубой автобус с его командой примчались до появления местных полицейских.

— Эй, ты где? — заорал Александр Михайлович.

— Здесь, — ответила я, выбираясь из своей малолитражки, — в автомобиле сидела, и все собаки со мной, забрала их из дома.

— Где, что, как, с кем случилось? Объясняй кратко, но четко, — потребовал толстяк.

— Домработница Женя Коробко приехала раньше времени, вошла в прихожую, попросила воды, испугалась Хуча и упала, — отрапортовала я.

— Вечно из-за тебя неприятности, — разозлился полковник.

Не пойми почему я начала оправдываться:

— Ничего плохого я не сделала.

— Впустила в дом постороннего человека, — продолжал негодовать Александр Михайлович. — Чего встали, рты разинули? Володька, чем занимаешься?

— Мафи чипсами угощаю, — честно ответил Гусев, с недавних пор вторая правая рука полковника.

— Фу! Хаваешь всякую дрянь, — мигом осудил его патологоанатом Леня, — знаешь, из чего их делают?

— На коробке написано: стопроцентный картофель и бекон, — объяснил Гусев.

— Наивняк, — засмеялся Леня, — прессованный крахмал и ароматизаторы. Сам жри, а Мафи не давай. Собака не человек, ей пакость есть не положено.

— Прекратите болтать, ступайте в дом, — приказал полковник, — займитесь делом. Маша обещала сегодня вернуться пораньше. Девочке сейчас никак нельзя нервничать, надо все закончить и увезти тело до ее появления. Мне нужен здоровый внук! Поняли? Дарья,

стой у двери! Ать-два, шевелим ногами, руками 15
и прочими частями тела, какие еще есть.

— Головой, — услужливо подсказал Леня, — хотя Вовка с помощью нее только чипсы ест.

Дегтярев ушел в особняк. Леня открыл микроавтобус.

— Степа, пусть псы с тобой посидят. В Дашиной таратайке им, бедным, тесно.

— Конечно, — согласился водитель. — О! Мафи! Ху-чик! Привет вам, ребята! Ну вы прикольные, ваще!

— Откуда шофер знает имена собак? — удивилась я, когда парень закрыл дверь минивэна.

— Он на Инстаграм Дегтярева подписан, — пояснил патологоанатом.

— У полковника есть страница в интернете? — поразила я.

— Ты не знаешь? — в свою очередь удивился Леонид и рассмеялся. — Он там зарегистрирован под именем «Саша Крут». Такие прикольные фотки. Набрал кучу подписчиков. Думает, что никто из нас понятия о его активности в интернете не знает. Уж не помню, кто Александра Михайловича первым нашел, но теперь все на него подписались. Ой, ты там такая смешная! Слушай, купи себе новый халат. Голубой с собачками тебе не по возрасту. Жена должна дома шикарно выглядеть, а ты в каком-то дурацком дешевом сраме. Этак Маневин вмиг от тебя слиняет.

Криминалист Раиса, до сих пор молча слушавшая наш разговор, решила высказать собственное мнение:

— Дашута, не слушай Леньку! Мастак он чужим бабам советы давать. Пусть свою воспитывает. Можно подумать, его Ленка в бальном платье дома в сортир ходит. Слушай, вчера Александр Михайлович выставил в Инстаграм медовый рулет, который он к ужину испек. Можешь мне рецептик дать, а?

Я только ошалело моргала. У толстяка есть Инстаграм? Вся полиция страны любит на меня в халате? Да, лет десять назад я купила в Париже в каком-то ма-

16 газинчике в районе Сен-Жермен шлафрок. На нем были изображены собачки разных пород в красивых нарядах. Симпатичную вещь отдавали за скромную цену, на ней отсутствовал ярлык какой-либо известной фирмы. Принт со временем слегка полинял, обшлага у рукавов обтрепались, но моя любовь к халатике не потускнела. И о каком медовом рулете говорит Рая? Дегтярев вообще не умеет готовить!

— Я его спросить не могу, — трещала криминалист, — мы все договорились молчать, что в его Инстаграме пасемся, иначе он нас в блок отправит. И ты смотри, не трепись. Но рецептик-то получить охота.

Водитель открыл окно микроавтобуса.

— Да это не полковник испек, а супербеби, его невеста, он ее часто репостит.

Я окончательно перестала понимать происходящее. Что такое репостить? Про Инстаграм я слышала, но сама им никогда не пользуюсь, я не пловец в море интернета. Супербеби? Невеста? Чья?

— Чья невеста супербеби? — повторил вдруг Ленья.

Сомнительно, что Кравцов способен читать мысли, наверное, я выразила недоумение вслух и не заметила этого.

— Александра Михайловича, — весело ответила Рая. — Все ждут, когда они свадьбу сыграют.

Забыв, что на улице декабрь, я села на ступеньки. Толстяк собрался заключить с кем-то брак? Я сплю и во сне брежу?

— Прошу прощения, господа, — произнес приятный баритон, и в зоне видимости появился стройный высокий brunet в темных брюках и дубленке, — я ищу особняк госпожи Васильевой.

— Вы прямо у дома, — кивнул Ленья, — а хозяйка перед вами.

Я встала.

— Добрый день. Вы кто?

— Разрешите представиться, — церемонно произнес незнакомец, — Женя Коробко. Домашний работник. Прислан из агентства. Готов приступить к работе прямо сейчас. 17

— Вы мужчина? — брякнула я.

— Да, — подтвердил брюнет.

— А кто тогда в прихожей у нас лежит? — жалобно пропищала я.

— Разрешите войти в коттедж? — спросил Коробко.

— Нет, — отрезал Леня, — туда пока нельзя. В холле труп. Я его еще не осмотрел. Пошли, Рая.

Евгений не испугался, а спокойно спросил:

— Кто-то умер?

— Да, — пробормотала я, — думала, это Женя Коробко. Ох, простите. Не знаю, кто скончался.

ГЛАВА 3

— До приезда Маши надо все убрать, помыть и ужинать с таким видом, будто ничего не случилось, — приказал Дегтярев, садясь в машину. — Тебе ясно?

— Конечно, — пробормотала я. — А кто эта несчастная?

— Понятия не имею, — буркнул полковник, захлопывая дверь, — документов никаких. Карманы пустые.

— Мужики обожают паспорт в брюки или пиджак засунуть, а у каждой приличной женщины при себе всегда есть сумочка, — заметила Рая, глядя вслед автомобилю Дегтярева.

— Женя пришла с пустыми руками, — вспомнила я.

— Это не Коробко, — возразил Леонид.

Я поежилась.

— Надо же как-то беднягу называть.

— Володя сейчас опрашивает охрану, — сказал Леня, — наверное, это чья-то домработница. Или няня!

— Тогда чего она к Даше приперлась? А? — тут же ринулась в атаку Рая. — Нет! Баба чужая. Не из поселка.

18 — Почему ты так решила? — поморщился патологоанатом.

Раиса шмыгнула носом.

— Сам подумай. Особняк Васильевой последний на улице.

— Как бы не так, — возразил Леня, — за ним еще два дома. Верно?

— Да, — согласилась я, — но вы оба правы. Семьи, которым принадлежат эти особняки, давно живут за границей. На их участках никого нет.

— Вот и я о том же, — обрадовалась Рая, — труп был в лесу. Может, грибы собирал!

— В декабре? — без тени улыбки спросил Леня. — Зимние лисички? Или новогодние белые? Удобно, конечно, сразу замороженными их срезать и сохранить на голодный день.

— Ей стало плохо, — не обращая внимания на ехидство патологоанатома, продолжала эксперт, — бедолага пошла за помощью в поселок. Первые дома, которые ей по дороге попались, оказались закрыты, поэтому она сунулась к Даше. На подошвах сапог неизвестной иголки от елок, грязь, остатки засохших растений. Мусор из леса. Нынешний декабрь у нас без снега.

— Вокруг посмотри, — велел Леонид, — елки на каждом углу. Вон у Даши их сколько у дома. Твои улики не доказывают, что тетка из леса вышла. И, если я правильно помню, вокруг Ложкина сплошной забор. Калитки нет. Так ведь?

Я молча кивнула.

— Едем или болтаем? — зевнул шофер.

— Гони лошадей, — приказал Леонид.

Когда микроавтобус выкатился из двора на дорогу, я закрыла ворота, решила войти в дом через другую, не парадную, дверь и услышала мужской голос:

— Ой, любезный друг, не вырывайтесь, вам туда точно не надо.

Я обернулась, увидела, что Женя несет на 19
руках Мафи, и забеспокоилась:

— Что случилось?

— Там под деревьями перья разбросаны, — объяснил Коробко, — наверное, большая птица потеряла. А он хотел в них порыться. Еще подцепит инфекцию.

— Это девочка, — объяснила я, — зовут ее Мафи. Вы правы, попадаются нездоровые пернатые, но, скорей всего, это опять сойки подрались, они вечно выясняют отношения, только пух и перья в разные стороны летят. Любите собак?

— Да, — кивнул Женя, — от последнего хозяина я ушел, потому что тот на моих глазах ударил ногой пуделька. Бедолага ему ботинок случайно исцарапал. О! У вас еще мопс? Обожаю их. Инопланетные создания. Как вас зовут, сэр?

— Хуч, — улыбнулась я, — имейте в виду, он очень хитрый, обожает прикидываться погибающим от голода. Когда сделаете себе бутерброд с сыром, Хучик будет смотреть на вас глазами, полными слез. Главное в этот момент — вспомнить, что объем талии «умирающего» от недоедания скоро совпадет с размером холодильника, и строго сказать: «Собаки едят два раза в день».

— У моего прежнего хозяина, не того, что пуделя ударил, а у человека, у которого я много лет проработал, жили четыре мопса, — объяснил Коробко, — я знаю все их штучки. Разрешите рассказать о себе? У меня высшее образование, окончил факультет гостиничного дела университета КЮСА.

Мне эта аббревиатура была неизвестна, но уточнять я не стала.

— Я неоднократный победитель международных конкурсов домашнего хозяйства, имею диплом повара. Владею всей бытовой техникой. Свободно изъясняюсь на трех европейских языках. Готов один обслужить прием, но тридцать человек предел. С большим количеством гостей я не справлюсь, на этот случай у меня есть

20 контакты недорогой фирмы, которая предоставляет официантов. Ухаживаю за гардеробом. Естественно, стираю, глажу, навожу порядок, обеспечиваю оптимальный режим экономии вашего времени.

— А это что? — заинтересовалась я.

Женя отпустил Мафи.

— Утром вы встали, собираетесь уезжать на работу. Идете в ванную и не можете найти крем для лица, расческу, мечетесь в поисках, нервничаете, наконец отыскали и кинулись в гардеробную. Где платье? Какие туфли к нему подобрать? Сумочку? Серьги? В конечном результате опоздали на важную встречу. А что сделаю я? В санузле каждая вещь всегда будет на жестко фиксированном месте, ваши руки сами собой привычно туда потянутся. Юбку, блузку и прочее приготовлю с вечера, утром вам придется лишь взять все с вешалки. Не поверите, сколько времени высвободится... О боги! Что это? Откуда столько странного мусора? Вот эти крохотные обертки? Они от чего? Никогда таких не видел.

— Это следы пребывания группы экспертов, Рая открывала мешки для улик, они стерильные, в пакетах, — вздохнула я, — сейчас уберу.

— Оденьтесь потеплее, подышите свежим воздухом, — остановил мой порыв Женя, — после перенесенного стресса необходимо успокоить нервную систему. Мне хватит полчаса, чтобы навести в холле порядок.

— Вы у нас еще не работаете, — напомнила я.

— И что? — удивился Коробко. — Я вижу женщину, которой нанесли тяжелую моральную травму. Да любой мужчина в такой ситуации обязан помочь слабой даме. Хотя некоторые расслабляются с веником в руках.

— При виде пылесоса и швабры я не испытываю ни малейшей радости и не обретаю душевное спокойствие, — призналась я.

— Вот и совершите променад, — улыбнулся Женя, — за тридцать минут я уничтожу безобразие. Когда моего первого хозяина арестовали за мошенничество в особо

крупных размерах, я выкинутые на пол из шкафов вещи собирал. Серый порошок отмывал, на редкость въедливая пыль. Полицейские весьма неаккуратны, ничего на место не возвращают. Но у вас я быстро справлюсь.

21

Я схватила с полки первую попавшуюся под руку шапку и нахлобучила ее на голову.

— Спасибо.

— Простите, Дарья, — извинился Женя, — я обратился к вам по имени без отчества не из фамильярности. В агентстве меня предупредили: хозяйка просит звать ее просто по имени. Вязаный колпачок... он...

— Что не так? — удивилась я и посмотрела в зеркало. — Вроде головной убор без дырок, пятен...

— На вас красивая голубая куртка, она очень подходит к вашим глазам, — похвалил Евгений, — а шапочка кислотно-розовая, ядовитая, это не ваш цвет. Возьмите лучше вон ту белую, с синей полосой. Получите хороший лук.

Я хотела ответить, что мне все равно, в чем бродить по поселку, но почему-то послушалась.

— Вы красавица! — воскликнул Коробко, когда я совершила обмен. — Подчас маленькая деталь делает весь облик.

ГЛАВА 4

Выйдя из ворот, я пошла по дороге мимо двух пустых домов, добралась до забора, который отделяет Ложкино от леса, и увидела, что от одной камеры, установленной на столбе, свисает обрывок шнура. Я вынула мобильный и позвонила охране.

— Знаем, — лениво ответил мужской голос, — видеонаблюдение не работает. Хулиганье постаралось. Временно не видим одну часть забора.

— Давно это случилось? — поинтересовалась я.

— Ну... вчера, — протянул секьюрити.

22 — И до сих пор не починили? — удивилась я.
— А мы че? Мы ниче, — забубнил секьюрити, — заявку в администрацию подали, там оформили. Мастер обещал завтра прикатить. В течение дня.

— Почему ремонтник сразу не прибыл? — не успокаиваюсь я.

— Так завтра явится, — повторили в трубке.

— Почему не сразу? — упорно повторила я. — Забор остался без охраны.

— Не я мастера вызывал, — объяснил дежурный, — другая смена. К ней претензии предъявляйте.

Но я не отставала:

— Вас не волнует, что любой человек может на территорию проникнуть?

— Два раза в день осматриваем периметр. В девять утра и в двадцать один час. Попыток перелеза через изгородь не зафиксировано, — проорали из трубки.

— А если злоумышленник в обед решит забор штурмовать? Как вы его заметите? — не утихала я.

— Обращайтесь к начальнику, — увильнул от прямого ответа парень, — звоните в шестнадцать.

— Почему не сейчас?

— Обед у него. До четырех всегда.

Я запахнула трубку в карман. Теперь понятно, почему главный секьюрити Ложкина похож на слонопотама. Он любит трапезничать по несколько часов.

Мой взгляд опять наткнулся на камеры, и я призадумалась.

Вокруг Ложкина раскинулось несколько деревень. Когда поселок только построился, отношения с местными жителями не сложились, они, мягко говоря, нас невзлюбили. К коменданту поселка явилась делегация от коренного населения и потребовала свободного доступа на все участки леса.

— Мы там триста лет грибы-ягоды собираем, коров пасем, рыбу ловим, — заявили мужики. — Промежду прочим, севрюгу из реки вытаскиваем пудовую. Или хо-

дим, как всегда, где хотим с корзинками-удочками, или давайте нам деньги на покупку еды.

По тысяче долларов на избу. В селах все бедные, живем на подножном корму. А вы, богатые, лес наш отняли.

Доводы о том, что буренки между деревьями не гуляют и осетровые в местном водоеме никогда не жили, не подействовали. Пару лет аборигены самозабвенно вредили ложкинцам, перекусывали электропровода, залезали по ночам в поселок и хулиганили, ломали детскую площадку, били окна в домах. А потом Максим Рагозин ехал поздно вечером домой и увидел, что на обочине лежит женщина. Макс притормозил, вышел и понял, что у несчастной инфаркт. Рагозин врач, в автомобиле у него всегда есть тревожный чемоданчик. Он сделал нужные уколы и отвез незнакомку в кардиоцентр, благо до него от нас рукой подать.

Тетушка оказалась матерью главного хулигана, который регулярно совершал с товарищами набеги на поселок. Парень пришел благодарить Макса, выпил с ним рюмку...

С того дня боевые действия прекратились. Местные жители стали наниматься на службу к ложкинцам. Мы за свой счет провели им магистральный газ, Макс лечит всю округу, большинство сельских детей посещает бесплатно центр «Обучайка», который функционирует в поселке. Я знаю всех обитателей сел по именам, а продавщица местного магазина, увидев меня, бормочет:

— Погодьте, Даша, для наших у меня свежие батоны заныканы. На прилавке вчерашние, они для проезжающих мимо.

Когда мы праздновали юбилей Ложкина, дед Василий, наш старожил, сказал проникновенно со сцены: «Сначала вы мне гадами-богатеями показались. А теперь как внуки любимые стали».

Поэтому я очень сомневаюсь, что камеры повредили местные подростки.

24 За спиной послышался скрип, я обернулась и попятилась. У высокого и, как казалось, монументного забора за моей спиной внезапно отошла одна часть. Потом кусок изгороди выдвинулся вперед, в образовавшуюся щель пролез мужчина в камуфляжной куртке и низко надвинутой на лоб шапке. Я хотела закричать: «Помогите», но потеряла дар речи. Незнакомец заметил меня и сказал:

— Здравствуйте! Не пугайтесь. Я свой.

— Валера! — выдохнула я. — Фуу! Носов, как вы забор отодвинули?

Рабочий показал на один из пустых домов.

— Семен Михайлович меня нанял за порядком глядеть. Участок его осматриваю постоянно, особняк проверяю. Бурков в Лондоне живет, а подмосковный коттедж я топлю, чтобы не вымерз. Сегодня утром, как всегда, я внутри побывал, затем обход прилегающих территорий начал. Особняк крайний у леса, мало ли что. И вон!

Мастер показал на камеру.

— Шнур отрезан. Я забеспокоился. Бурков дом на охрану поставил, да пока она на сигнал причапает, много чего спереть можно. За наших местных взрослых головой ручаюсь, и дети такое не сделают. Меня забор высоченный встревожил.

Валерий подошел к гладкому щиту.

— Видите?

Я приблизилась к Носову.

— Что?

— Царапины. Знаете, откуда они?

— Даже не догадываюсь, — вздохнула я.

Валерий вынул пачку сигарет, повертел в руках и спрятал назад.

— Заграждение надежное. Тем, кто просто набезобразничать решил, шансов перебраться через него нет. Ну, знаете, как бывает у дураков: выпили — и потянуло их на подвиги. У таких «героев» ничего не получится.

Не перелезут. А вот если профессионал... Против лома нет приема. Есть оборудование. Разное. Например, крюк забрасывается, цепляется за край забора, вниз свисает трос. Вы по нему забираетесь. Этот забор покрыт специальным антиальпинистским составом, ноги на нем скользят быстрее, чем на льду. Так придумали особые кроссовки с подошвами типа терка. Царапины на панели от них. Какой-то человек, явно не подросток (где ребенку деньги на дорогие ухищрения взять), влез наверх, потом спустился. Зачем он так поступил?

— Перерезал кабели, — предположила я.

— Неверно, — возразил Валера, — видеонаблюдение же в тот момент работало. Секьюрити заметили бы «альпиниста» и прилетели бы сюда. Мужик сначала камеру отключил.

— Как? — удивилась я.

Валерий застегнул молнию на куртке до подбородка.

— Сейчас чего только не напридумывали. Спрос есть? Точно найдете нужное. Продается типа... ну, как вам растолковать-то... э... вроде пистолета. Пуляет дисками острыми, как бритва. Прицеливаешься... бах! Шнур перебит.

— Никогда не слышала о таком, — поразились я.

— Вы же не мастер воровских наук, — снисходительно заметил Валера. — Зачем вам о прибабасах грабителей знать? Думаю, так оно станцевалось. Мужик камеру из строя вывел, потом наверх залез. Зачем? Я начал осматриваться, заметил в грязи у забора крупинки. Видите?

— Нет, — призналась я.

— Ну и не надо вам, — засмеялся наш мастер на все руки, — типа калитку гад сделал. Сверху распилил забор. От инструмента сыпалась крошка, он о ней не подумал и не убрал. В остальном чисто сработал. Хотя я бы на его месте царапины полирнул спреем и ошметки от резака собрал. Но парнишка умелый, видать, не впервой ему

26 такое. Настоящий проходчик, а не лохня, которая себя за мастера выдает.

— Кто? — опять не сообразила я.

— В мое детство в райполиклинике работал один педиатр, — задумчиво протянул Валера, — он ребенка целиком смотрел и говорил: «Горло красное, живот плохой, простуда и понос. Вот вам рецепт на полоскание и таблетки». На прошлой неделе попросила меня соседка ее годовалого внука к врачу отвезти и помочь ей с ним в клинике. Сопли у пацана рекой, хнычет, пять раз покакал. Бабушка пожилая, мать с работы не отпускают. Поехали мы, значит. Думаете, ребенка один доктор осмотрел? Фигушки. Сначала к лору отправили, потом к гастроэнтерологу, следом к общему терапевту. Каждый свое выписал. Восемь лекарств. Вот так сейчас. Ухо-горло-носу не ведомо, что врач по кашкам посоветовал. Аж два антибиотика! А денег троим отдай. Называется: специализация. Она нынче повсюду. Мама моя парикмахером всю жизнь работала, волосы клиентам красила, стригла, укладывала, химию накручивала и еще брови с ресницами чернила. А современные стилисты каждый свое делает. И всем надо по чеку платить и в карман чаевые пихнуть. Специализация. По мне, так это надо назвать грабителизацией. Придумана, чтобы у людей деньжата откусить.

— Валера, что с забором? — остановила я вал негодования Носова.

— Так у ворюг специализация тоже объявилась, — пропыхтел тот, — чтоб ей пусто было. Прежде тот, кто в дом лез, сам решетки на окнах ломал. Сейчас молодежь избалована. Вор проходчика наймет, он ему проход организует, поэтому так и называется.

Я решила суммировать услышанное.

— Кто-то пригласил человека, который сделал для него в заборе нечто вроде калитки?

— Похоже на то, — согласился Валерий, — и... вот еще... неохота, конечно, такое говорить... На воротах

у вас разные люди стоят. Некрасиво на них баллон катить. И доказательств нет... 27

— Умелец с крюком и резаком в створе с кем-то из секьюрити? — остановила я Валерия. — Почему вы пришли к такому выводу?

— Умом пораскинул, — объяснил Валерий, — на бутылку спору, что вчера вечером видеозыринг умер. Даже время точно назову: двадцать один десять. Хотите проверить?

Мне стало любопытно, поэтому я снова связалась с проходной.

— Плотников, — заорали из трубки.

— Васильева, — представилась я, — пять минут назад вы сказали, что камеры на заборе вчера сломались. Можете точное время назвать?

— Двадцать один восемь, — после небольшой паузы сообщил дежурный.

Я посмотрела на Валерия.

— Точно угадали!

Носов постучал себя пальцем по лбу.

— Угадки — пустое занятие. Главное мозг! В девять вечера дневная смена уходит, заступает ночная. Примерно минут пятнадцать, а то и больше люди на мониторы не глядят. Одни дежурство сдают, другие принимают, ну, поболтают потом о пустяках. Служебная маршрутка от метро сюда служащих в девять вечера доставляет, а через полчаса тех, кто закончил, к подземке везет. Пока парни языки чешут, тридцать минут поселок без присмотра остается. Это как в больнице. Если по «Скорой» тебя в пересменок доставили, подохнешь, пока врач появится. Один доктор халат уже снял, другой еще не надел.

— Тогда подозрения с охраны снимаются, — возразила я, — кто-то воспользовался междуцарствием и перебил шнур.

— Может, и так, — согласился Валерий, — но кто-то же преступнику подсказал время, когда лучше всего безобразничать. Ну, значит, увидел я, что кабель пере-

28 бит, заметил опилки. Скумекал: в изгороди «калитка» появилась — и решил глянуть, чего там, в лесу. За каким таким интересом туда постороннему надо? Только пролез, слышу шаги в поселке, потом голос женский. Вот я и вернулся.

— Ой, а правда, зачем преступнику в лес понадобилось? — спросила я. — Вы там еще не были?

— Не успел, — ответил Валера, — только через щель пролез, как вы подошли.

— Давайте поглядим, что там? — предложила я. — Очень интересно, а одной боязно.

— Грязно там, — поморщился Валерий, — у вас сапожки красивые, замараете.

— Ерунда, — отмахнулась я, — они для прогулок, не жалко их испачкать.

— Сыро, — поежился Носов, — замерзнете.

— Нет, нет, я тепло одета, — возразила я. — Прямо сгораю от любопытства, что же за забором? Не первый год живу в Ложкине, но ни разу по лесу не гуляла.

Моя настойчивость объяснялась простой причиной. Я подозревала, что умершая в нашем холле незнакомка явилась из леса. «Калитка» в заборе укрепила меня в правоте моих предположений. Надо изучить местность. Но одной идти в еловый лес страшно. А тут случайно нашелся спутник. Пару минут я уговаривала Носова пройтись по лесу, и тот в конце концов сдался.

ГЛАВА 5

Мы пошли по узкой тропинке.

— Ну и грязь тут, — поморщился мой спутник, — давайте вернемся, пока далеко не ушли.

— Нет, — твердо возразила я. — Зачем столько сложностей, проникать в поселок, кромсать забор, неужели в лес по-другому не попасть?

— Не-а, — поежился Валера, — с другой стороны никто не поперет. Проклятое место. Местные точно побо-

ятся. А посторонние заблудятся. Вы что, ничего про жуть не знаете? 29

— Нет, — ответила я, — никогда не думала о лесе. Слышала, что за ним река течет, вроде большая.

— Ага! Москва называется, — рассмеялся мой спутник, — переплыть с противоположной стороны ее трудно, потому что широкая она тут. Если мороз крепкий, можно по льду перейти, но сейчас-то декабрь, как осень. Сверху прихватило, да корочка тонкая, ломкая. Шагнешь, и пиши пропало. Но не в реке дело, через нее, если в голову втемяшится, перебраться можно. И где окажешься, когда водную артерию форсируешь? В лесу. Он большой, и никто за ним теперь не следит, подлеска полно, повальшей, сухостоя. Мобильник не пашет, не дай бог, упадешь, ногу сломаешь, тогда кранты. Группой надо идти, одному стремно. И знать, куда направляешься. Заблудиться ничего не стоит. Даже дед Осип, который раньше лесником служил, и то один раз заплутал, когда со стороны реки шел. А уж он местность лучше своего огорода знал. Почему с Осипом такое случилось? Место это проклятое. Никто из наших сюда не сунется. Графа побоятся. От реки без шансов в целости-сохранности до его дома добраться. Закрутит помещик незваного гостя, уведет в чащу и погубит. От вашего поселка до развалин замка рукой подать. Но местные жители, когда грибы-ягоды собирали, к дьявольским камням не шастали, они корзинки на территории нынешнего Ложкина набирали.

Валерий усмехнулся.

— В деревне моя бабушка жила. Меня ей на все лето дарили. Но и в холодное время в выходные я постоянно с родителями к ней катался. Поэтому среди пацанов местным считался, не городским пришельцем. У подростков было испытание. Следовало доказать свою храбрость. Как? Отправиться днем к замку. Я экзамен выдержал. А Андрей Михов нет, отказался он к графу в гости заглянуть, теоретическую базу под свою тру-

30 сость подвел. Дескать, я не корова, чтобы стадом ходить. И его трусом обозвали. Андрюха закричал: «Значит, я трусливый заяц? Лады. Отправлюсь туда ночью, не при солнечном свете! Принесу из замка что-нибудь в доказательство, что я там был».

И приволок ветку, его все оборжали, снова трусом обозвали и вруном в придачу. Такие палки в лесу повсюду валяются. А меня черт за язык дернул: «Я вот не побоюсь! Захвачу что-нибудь с кухни графа». В полночь меня товарищи до опушки проводили, дальше я один двинул. Чуть от страха не обделался, но назад-то пути нет, вернусь с пустыми руками — клеймо «сыкушник» на всю жизнь получу. Достиг я развалин, вошел внутрь, фонариком посветил. В одной комнате пусто, в другой тоже. В третьей нашел чашку, подумал — железная. И назад опрометью. Героем стал. Домой кружку доставил, бабушка, как увидела ее, за ремень схватилась. Живо сообразила, где кружка раньше жила.

Валерий почесал переносицу.

— У бабули-то ремень офицерский, с пряжкой. Неделю я сесть не мог. Сейчас понимаю: она за внука испугалась. Лес-то бедой пропитан. Хотите взглянуть на развалины? Издали?

— Давайте, — кивнула я. — А почему лес проклятым называете?

— Дед Осип детям эту историю часто рассказывал, — вздохнув, произнес Валерий.

Я шагала рядом с Носовым, внимательно его слушая.

В незапамятные времена, бог весть в каком году, царь-государь поймал графа Филиппа Юсупова на краже средств из казны. Времена стояли суровые, графа собрались казнить, бросили в острог, Юсупов стал молить Богородицу о спасении своей жизни. Дева Мария сжалилась над ним, явилась ему во сне и велела:

— Прими монашеский постриг, возведи в лесу обитель, сделай в ней приют для больных бездомных. По-

сели там тех, кого никто лечить не хочет, прояви о них заботу. 31

И что оставалось делать графу? На тот свет он не спешил, поэтому пообещал Божьей Матери подчиниться ее воле. На следующий день царь неожиданно помиловал казнокрада. Граф возвел небольшой монастырь и больницу. В клинике лечили бродяг с туберкулезом, сумасшедших, сифилитиков. Очень скоро вокруг больницы возникло кладбище. Обитель работала до тридцатых годов прошлого века. В столице закрыли почти все церкви, разграбили Марфо-Мариинскую обитель милосердия, а ее настоятельницу святую Елисавету отправили в ссылку, потом сбросили игуменью в рудник близ Алапаевска. А пустынь графа находилась в медвежьем углу, дела до нее никому не было. Про монастырь в лесу большевики забыли, но потом пришел и его черед. Монахов кого расстреляли, кого прогнали, из госпиталя сделали приют для детей, чьих родителей большевики казнили. Обращались с малышами плохо, кладбище в лесу стало намного больше.

В конце сороковых интернат прекратил свое существование, лет десять он ветшал, потом его превратили в психиатрическую лечебницу, она работала до конца девяностых, затем закрылась.

Нынче в лесу можно увидеть лишь развалины дома, который местный народ зовет графским. А на берегу реки до сих пор ветшает здание, где сначала жили больные, потом сироты, затем умалишенные. Понимаете, какая аура у местности?

Современные жители окрестных деревень узнали историю развалин от своих бабушек, а тем ее поведали родители. Что правда, что ложь, спустя века узнать невозможно. Местные старики внушают внукам с пеленок:

— Там зараза. Пойдешь за сокровищем, подцепишь страшную болезнь. Или привидение встретишь. Призраки злые, потому что это души сумасшедших, коммунистов, безбожников, тех, кто храмы рушил.

32 О каком кладе идет речь? У каждого мало-мальски уважающих себя руин есть легенда о хозяевах, которые, убегая от большевиков, войск Наполеона, от гнева царя Ивана Грозного, Петра Первого, татаро-монгольского ига, Всемирного потопа (выбирайте, что вам более всего по вкусу), зарыли в саду, лесу, на кладбище, в местном храме все свои многочисленные драгоценности. Многие из тех, кто в детстве жил летом в деревне у родственников, могут рассказать подобную историю. Семилетняя Дашенька, приезжая с бабушкой на лето в село Глебовка, бегала с местными ребятами в разрушенный храм. Мы там искали золотую чашу с бриллиантами, договорились, как поделим их. Лично я строила большие планы, мне до трясушки хотелось иметь немецкую куклу, которая умеет закрывать глаза, говорить «ма-ма». А еще я собиралась купить два кило сливочных тянучек и теплую шаль для бабушки, очень надеялась, что моей доли алмазов на все хватит. Почему дети решили, что в церкви спрятаны сокровища? А нам сказала Лида, которая постоянно жила в Глебовке и знала все местные тайны.

— Сумка! — с изумлением воскликнул Валерий. — Откуда она?

Я вынырнула из воспоминаний.

— Что?

Валерий показал на большой куст.

— Вон висит.

В ту же секунду я заметила небольшую темно-синюю торбочку на длинном ремне, схватила ее и открыла. Внутри увидела губную помаду и несколько визиток с фотографией. Я сразу узнала женщину, которая умерла в холле нашего дома. Ее звали Вероника Глебовна Невзорова.

— Значит, она отсюда пришла, — пробормотала я, — интересно, что эта Невзорова тут делала? Далеко до дома графа?

— Меньше пяти минут ходу, — заверил Валерий, двигаясь вперед. 33

— Там кладбище, — испугалась я, спеша за ним, — сейчас день, а здесь из-за высоких густых елей темно. Даже вдвоем жутко.

— Покойники тихие, — усмехнулся Валера.

— Видите памятник? — прошептала я. — Большой камень! На нем видна фамилия, имя, отчество. Золотом написано Капельфан Модест Модестович. И год указан. Тысяча семьсот десятый. А там еще несколько маленьких камней, на них кресты нарисованы. Отсюда не видно, для кого они поставлены. Грустно оказаться на заброшенном, никому не нужном погосте. Сплошное запустение. Похоже, сюда давно никто не заглядывал.

— Что за черт! — прервал меня Носов.

Он так резко остановился, что я ткнулась носом в его спину. Валерий сделал несколько шагов вперед, я последовала за ним, увидела небольшую ямку и мужчину, который лежал лицом вниз. Около него валялось несколько грязных дисков, похожих на маленькие блюдца.

— Не двигайтесь, — велел Валерий. — Эй, парень! Ау!

Ответа не последовало.

— Он, похоже, умер, — прошептала я, — женщина, которая к нам в дом прибежала, его нашла или с ним была, испугалась, понеслась за помощью... Надо вызвать Дегтярева. Ой, у меня голова сильно кружится. Можно, я возьму вас за руку?

— Мобильные в лесу не пашут, — сказал Носов, — быстро назад.

ГЛАВА 6

Не помню, как я добралась до дома. Вроде Валерий довел меня до крыльца, и, кажется, Евгений открыл дверь. Дальше провал. Очнулась я на кровати в своей комнате, на тумбочке стояла чашка с остатками чая,

34 лежал детектив Смоляковой. Я была в джинсах и свитере, только носки с меня заботливо сняли и прикрыли пледом. В первую секунду я не поняла: сейчас утро, вечер? Почему я одета так, словно собралась на улицу? И тут мне вспомнился поход в лес. Я села. Как сохранить в тайне от Манюни все, что произошло? Нельзя нервировать девочку, которая готовится стать матерью. А поскольку Юра мог проболтаться жене, то мы с Александром Михайловичем в тот момент, когда полковник уезжал со своей бригадой, решили ему тоже ничего не сообщать. Но ведь в поселке есть охрана, которая может рассказать местным шоферам и горничным о происшествии. Есть соседи, например не страдающая излишней деликатностью Нина Косова, она может остановить Машу и Юру, когда те пойдут погулять, и поинтересоваться: «А кто у вас в доме умер?»

Я потрясла головой. Труп в лесу! Надо срочно позвонить Дегтяреву! Я схватила трубку. «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Я вскочила, вышла из спальни и побежала по лестнице с криком:

— Женя! Ни в коем случае не говорите никому про труп в холле, Маша не должна знать...

Договорить я не успела, потому что очутилась в столовой, где увидела Манюню, Юру, Дегтярева и всех собак вместе с вороном Гектором.

— Труп? — воскликнула Маша. — Чей?

— Э... э... э... — пробормотала я, — ну... случайно... я увидела на кухне...

И тут, на мое счастье, из зоны кухни в столовую выплыл Женя. Вид Коробко меня потряс. На нем красовался бирюзовый сюртук с синими лацканами, бриджи цвета спелого баклажана заканчивались чуть пониже колен, далее шли белые чулки и ботинки того же цвета на толстой подошве и каблуке. Штиблеты украшали блестящие пряжки. На голове парня сидел парик с буклями.

— Просто реклама шоколада «Французский шик», — неожиданно заявил Юра, из которого обычно слова не вытянешь. 35

— Лапен с микроглобато в андалузском соусе, с ягодами червленой сливы, — объявил Коробко и водрузил на стол блюдо, закрытое никелированной крышкой.

— Ух ты! У нас есть такая посуда, — изумилась Маша. — Мусик, а где она хранится?

— Впервые вижу эту утварь, — призналась я. — Женя, где вы нашли ее?

— В дальних кладовках, — доложил Коробко.

— Звучит, как в сказке, — хмыкнула Манюня, — в дальних кладовках, за тридевять земель, у самого синего моря.

— У нас есть дальние кладовки? — поразилась я. — Где вы их нашли?

— Потом выяснишь, что в особняке хранится, — остановил меня Дегтярев. — Уважаемый... э...

— Женя, — подсказал Коробко.

— Что такое папен? — осведомился полковник.

— Лапен, — поправила я, — что на суахили французов означает кролик, а вот про микроглобато я ничего не знаю.

— Не хочу червивую сливу, — встрепелась Маша, — фрукты с паразитами отнюдь не любимый мною гастрономический изыск.

— Микроглобато — тефтельки из рисовой муки и грибов, — объяснил Женя и поднял крышку, — к ним чернослив, тушенный в сливочном масле.

— Ух ты! — пришел в восторг Юра. — Те, кто до вас в Ложкине работал, умели только картошку варить.

— Причем до полуготовности, — пробурчал Дегтярев и взял вилку, — снаружи она разваливалась, а внутри походила на бильярдный шар по вкусу.

— Ты грыз шары? — засмеялась Маша. — Теперь понятно, куда они подевались со стола, включая кии.

36 Полковник нацелился на кусок кролика, но Женя взял блюдо, обошел стол и положил Дегтяреву выбранную им ножку, потом подошел к Маше с вопросом:

— Какую часть лапена желаете?

Спустя пять минут в столовой воцарилась полная тишина, прерываемая лишь чавканьем домочадцев. Потом я воскликнула:

— Вы гениально готовите!

— Благодарю за чрезмерно положительную оценку моих скромных стараний, — потупился Коробко, — и прошу прощения за простое блюдо к ужину, для создания настоящего изыска мне не хватило времени.

— Восхитительно! — протянул Дегтярев.

— Невероятно, — подхватила Манюня.

— Зачетно, — заметил Юра.

Женя метнулся на кухню со словами:

— Теперь пирог «Мария Антуанетта».

— Он в меня точно не влезет, — вздохнула Маша.

— Заварной крем, малина, меренги и шоколад, — пропел Коробко, водружая в центре стола подставку с тортом.

— Фарфорина на ножке в виде ангелочка тоже из дальних кладовок? — поинтересовалась Манюня.

— Нет, из средних, — совершенно серьезно ответил Коробко, — я нашел там прелестные скатерти с ручной вышивкой. Если Дарья разрешит, постелю их завтра.

Я опешила. Скатерти с ручной вышивкой? Средние кладовки? Где это все Евгений обнаружил? Совершенно не помню, когда приобретала эти вещи. Хотя, наверное, нам их дарили на дни рождения или Новый год. До сих пор никто из домработниц не использовал эту красоту.

— Мусик, — простонала Маша, орудуя ложкой, — такие меренги я даже в Париже не ела. И в Милане их хуже делают. Где Женя?

— Куда-то делся, — ответила я.

— Мы его оставляем, — отрезал Дегтярев, — 37
хочу лапена вкушать каждый день. И торт.
И червивые сливы.

— Червленые, — поправила я, — это слово давно устарело, оно означает: красный, багряный. Сливу, похоже, в духовке приготовили.

Через полчаса я поднялась в свою комнату и снова лишилась дара речи. Кровать была разобрана, и я не узнала постельное белье. Оно оказалось нежно-бежевым с золотистой каймой. На одном «ушке» наволочки был вышит вензель «ДВ». Одеяло походило на облако, подушки взбили, на тумбочке лежал новый детектив Смоляковой, стояли очаровательная чашка, разрисованная зайками, и матерчатая грелка в виде кошки. Я подняла ее, под ней был маленький чайничек. Женя заварил мне напиток из мяты, ромашки и еще чего-то такого, что французы называют «тизан» и пьют на ночь от бессонницы.

Не успела я осмотреть свою спальню, как ко мне вошла Маша в халате.

— Мусик! У нас с Юрой какая-то оргия порядка. В ванной банки, флаконы, бутылки с шампунями выстроены по ранжиру. В гардеробной брюки-рубашки-юбки-платья висят комплектами. Следует признать, что мне до сих пор не приходило в голову надеть вместе с бордовой юбкой свитер с принтом в виде зайца. Но получилось хорошо.

В комнате появился Юра и, как всегда, ничего не сказал.

— Какой у тебя красивый пеньюар, — восхитилась я. — Сегодня купила? Прелесть!

— Он в ванной у нас висел, — объяснила Маня, — я решила, что Коробко перепутал, сказала ему: «У меня такой шмотки нет, это мамина». Женя возразил: «Я нашел в дальней кладовке чемодан, на него наклеена этикетка: «Мария». Представляешь? Начисто про пеньюар забыла!

38 Я взяла телефон.

— Сейчас позвоню Ирке, пусть она объяснит, что за чуланы такие в Ложкине имеются. Алло!

— Бонжур вам, — нараспев произнесла наша домработница, которая теперь прочно обосновалась во Франции, следит за домом, обзавелась подругами и совсем не хочет возвращаться в Москву, — парле муа кеске ву ве? Манже из буланжери? Или йогур авек фруи?¹

Несмотря на ужасное произношение, Иру можно было понять.

— Спасибо, не откажусь от еды из булочной и йогурта с фруктами. Но боюсь, доставка много времени займет, — вздохнула я.

— Так вы наша, — обрадовалась Ирка, — не сомневайтесь, все привезут в течение получаса. Если только вы не в Лондоне. Хи-хи. Шутка.

— Живу неподалеку от Москвы в Ложкине, — серьезно уточнила я. — Управитесь за тридцать минут?

И я включила громкую связь.

— Ой, здрасте! Не узнала вас сначала, — затараторила Ира, — богатая будете. Мы тут с Ваней подумали, чего без дела куковать, ждате, когда вы прилетите и работать придется. Договорились в лавках нашего района, сделали сайт в интернете. Народ звонит, заказы делает, Ваня доставляет, он на табуретке быстро ездит.

Перед моим взором мигом появилась картина: совсем не худенький и не маленький Иван, сев на кухонную табуретку, катится по узким парижским улицам с воплем: «Разойдись, народ, срочная доставка жвачки клиентам». Ирка кое-как научилась объясняться на языке Гюго и Бальзака, а вот ее супруг на редкость бездарен в лингвистическом плане.

Наверное, на моем лице появилось выражение недоумения, потому что Юра быстро пояснил:

¹ Скажите мне, что вам надо? Еда из булочной или йогурт с фруктами? — Это так называемый «русский французский».

— Табуретка не из кухни. Это такая штука с рулем и колесами, вроде мопеда. Хотите расскажу, чем она отличается от мотоцикла?

Чтобы не обижать зятя отказом, я, бормотнув: «Конечно, но не сейчас», спросила у нашей «француженки»:

— Ира, в Ложкине есть помещение, куда не ступала нога человека?

— Уточните чья, — потребовала Ирка, — хозяйка и горничная по разным маршрутам бегают. Зачем вам в постирочную? А ей за каким чертом в библиотеку? Разве только пыль смахнуть!

— Не занудничай, — велела Маша, — назови закоулки, куда никто не заглядывал сто лет!

— Манюнечка! — обрадовалась Ирка. — Как ты себя чувствуешь? Тошнит?

— Очень редко, только все воняет, — пожаловалась Маша.

— Ну ничего, скоро постоянно наизнанку выворачивать будет, — пообещала Ирка.

— У нас есть чуланы, в которых неизвестно что лежит? — остановила я Ирину.

— Да везде хлам, — ехидно доложила та, — даже в Париже ухитрились кавардак устроить. А я и не разбираю. Смысл? Приедете и снова все расшвыркаете. В Ложкине просто атас! А почему вы спрашиваете? Чего потеряли?

— Наоборот, нашли, — сказала я и поведала про Коробко, посуду и вещи.

— Знаю, в каком месте больной аккуратностью рылся! — заголосила Ирка. — Дальние, средние кладовки! Вот же придумал фигню. Он набрел на сараюшки, которые застройщик по договору поставил.

— Точно! — обрадовалась я.

Когда мы покупали дом, владельцы поселка пообещали не только нам, но и всем жителям Ложкина бесплатные помещения для хранения разной белиберды. И устроили чуланы в административном здании.

40 — Когда заселялись, вы туда уйму всего спрятали, — ворковала Ирка, — сначала забили дальний отсек, потом тот, что ближе. Никто понятия не имеет, чего там заховано. Вы туда лет пятнадцать носа не совали. Интересно, зачем этот Шкатулко в хранилище лабудени попер?

— Завтра спрошу у него, — пообещала я, — надо мне там порыться. Похоже, в чулане много интересного.

ГЛАВА 7

Разобравшись с тайной появления неизвестных вещей, я отправила Машу и Юру спать, а сама поспешила к Дегтяреву. Александр Михайлович сидел в кресле с айпадом. Увидев меня, он быстро захлопнул планшетник и спросил:

— Ну? Между прочим, я работаю.

Я откашлялась.

— Извини, что только сейчас завожу разговор. Понимаю, следовало сказать раньше. Но дома Маша. Надеюсь, ты понимаешь, почему я сразу не сообщила шокирующую новость: в лесу за поселком...

— Групп мужчины, — перебил меня полковник, — ты мне позвонила вскоре после того, как мы уехали, забрав тело женщины. Закричала: «У проклятых “развалин” мертвый человек. Валерий Носов, местный мастер на все руки, подозревает, что секьюрити впустил на территорию поселка преступника, который сделал проход в заборе». Потом раздался голос Жени: «Дарья в ужасном состоянии, ее трясет. Дам ей чаю с коньяком. Приезжайте, пожалуйста, побыстрее. Кажется, случилась новая беда. Хозяйка принесла чужую сумку». Когда я примчался, ты храпела в своей спальне. Коробко отдал мне торбу. И передал то, что ты ему сообщила: часть забора превращена в калитку, в чаше мертвец, кладбище, на дереве висела сумка. Думаю, тебе надо отправиться спать.

— Чье тело найдено в лесу? — не отставала я. 41

— Спокойной ночи, — огрызнулся толстяк.

— Имею право знать, — возмутилась я, — если бы не я, не найти тебе ни сумки, ни покойника.

Полковник встал.

— Ладно, слушай. Два дурака, Вероника Невзорова и еще один, поперли в лес. Наслушались сказок про клад и решили поискать деньги. Или драгоценности, в общем, не знаю что. Он внезапно умер. Скорей всего, у него инсульт. Она перепугалась, побежала в поселок за помощью. Наш дом оказался первым жилым на пути. Невзорова постучалась, вошла в холл и тоже скончалась. Все. Конец истории. Они грабители старых могил. Ничего оригинального, таких вандалов много.

— Что валялось около трупа? — полюбопытствовала я. — Похожий круглый предмет сжимала в руке Вероника. И кто она такая? Где живет, работает?

Александр Михайлович закатил глаза.

— Ну все! Теперь ни минуты покоя не будет. Вместо того чтобы лезть не в свое дело, приставать к человеку, который устал, но тем не менее решает важные служебные проблемы, займись запущенным домашним хозяйством. У тебя в доме есть нехоженые чуланы. Разбери их. Наведи порядок. Устанешь и отстанешь от меня.

— Твои люди не догадались пойти в лес, а я там вон сколько всего нашла! — возразила я. — Скажи спасибо, в противном случае личность умершей мог бы и не установить.

— Без тебя знали, что надо окрестности осмотреть, — взвился толстяк, — не следовало лезть поперек умных людей.

— Умные люди уехали, — напомнила я, — в сторону чащи даже не посмотрели. Не лезу я в твоё расследование. Но имею право...

— У тебя есть право изучить свои чуланы, вот и воспользуйся им, — схамил Дегтярев, — остальное не твоего ума дело. До свидания.